

Научная статья

УДК 94(57+571.6)+910.4
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2026.56.90>

Сибирь в исследованиях Тории Рюдзо

С. И. Кузнецов, М. С. Мищенко*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Исследуется Сибирская экспедиция известного японского антрополога, археолога, этнолога Тории Рюдзо (1870–1953), которую он совершил летом 1919 г. Излагается, как, испытывая большой научный интерес к археологическим и этнографическим материалам, которые можно обнаружить на территории российского Дальнего Востока и в Сибири, Тории Рюдзо в условиях Гражданской войны и интервенции проехал от Владивостока до Иркутска, изучая фонды музеев и совершая экскурсии по археологическим памятникам. Рассматриваются поставленные Торией Рюдзо приоритетные задачи исследования, их непосредственная реализация и трудности, с которыми столкнулся ученый в ходе своих научных изысканий в Сибири.

Ключевые слова: Тории Рюдзо, сибирская экспедиция, археологические и этнологические исследования японских ученых.

Для цитирования: Кузнецов С. И., Мищенко М. С. Сибирь в исследованиях Тории Рюдзо // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2026. Т. 56. С. 90–98. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2026.56.90>

Original article

Siberia in the Studies of Torii Ryuzo

S. I. Kuznetsov, M. S. Mishchenkova*

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the Siberian expedition of the renowned Japanese anthropologist, archaeologist, and ethnologist Torii Ryuzo (1870–1953), which he conducted in the summer of 1919. Excited by the archaeological and ethnographic materials found in the Russian Far East and Siberia, Torii Ryuzo traveled from Vladivostok to Irkutsk, studying museum collections and touring archaeological sites, amid the civil war and the Soviet intervention. The article examines Torii Ryuzo's research priorities, their immediate implementation, and the challenges he encountered during his scientific research in Siberia.

Keywords: Torii Ryuzo, Siberian expedition, archaeological and ethnological research of Japanese scientists.

For citation: Kuznetsov S.I., Mishchenkova M.S. Siberia in the Studies of Torii Ryuzo. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2026, vol. 56, pp. 90-98. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2026.56.90> (in Russian)

После Русско-японской войны 1904–1905 гг. интерес Японии к Сибири и Дальнему Востоку России заметно усилился. После перехода под контроль Японии Южно-Маньчжурской ветви КВЖД для ее управления была создана Южно-Маньчжурская железнодорожная компания (ЮМЖД) с офисами в Дайрене и Токио. ЮМЖД – не только крупный экономический проект, но и опорный пункт для колонизации Маньчжурии. Вместе с тем интересы Японии в регионе, в реализации которых важная роль отводилась ЮМЖД, были значительно шире. Ее внимание привлекали огромные пространства материковой Азии, экспансия которых могла развернуться с маньчжурского плацдарма. Политическая, экономическая и военная экспансия требовала серьезного изучения ее предполагаемого объекта.

В составе ЮМЖД организуются научно-исследовательские подразделения, с 1907 г. научные исследования ведутся по трем основным направлениям: изучение экономики, общества и культуры тех территорий, которые представляли наибольший интерес для Японии; исследования в сфере естественных наук и технологии; максимально полный сбор сведений по статистике и менеджменту [2, с. 105]. После 1917 г. полевые исследования в Сибири и на Дальнем Востоке России стали либо невозможны, либо сопровождались большими трудностями и опасностью. Вместе с тем в годы интервенции (в японской историографии эти события чаще именуют «сибирской экспедицией») ряд японских ученых совершали поездки по Сибири и Дальнему Востоку при поддержке японских военных. Среди них были уже достаточно известные филолог-русист Ясуги Садатоси и археолог и этнолог Тории Рюдзо. Первый из них совершил длительную (около двух месяцев) поездку на Дальний Восток и в Сибирь в 1919 г. Ясуги вел дневник [3, с. 29–32], в котором фиксировал все сколько-нибудь значительные события, произошедшие с ним и с группой студентов, которую он возглавлял. Дневник позже был опубликован в Японии [8]. Стажировка японских студентов в Сибири в это время была сопряжена с немалыми опасностями, поскольку продолжались Гражданская война и иностранная интервенция, отсутствовали условия для нормальной жизни и передвижения. Ясуги достаточно хорошо известен в нашей стране благодаря многочисленным трудам по русской филологии, литературоведению и, главным образом, благодаря русско-японскому словарю Ясуги. Первое издание словаря вышло еще в 1925 г., но он используется и сегодня.

Менее известен у нас Тории Рюдзо (рис.) – антрополог, археолог, этнолог, собиратель и исследователь фольклора. Ученый родился в Хигаси-Сэнба, г. Токусима, 4 апреля 1870 г. Остров Сикоку, где прошло его детство, и сейчас считается японской провинцией, не говоря

Рис. Тории Рюдзо

уже про то далекое время. Здесь не было университетов, и для того, чтобы получить образование,

молодые люди устремлялись в столицу. В 1876 г. Тории Рюдзо поступил в начальную школу Кандзэн, однако занимался не очень охотно, чаще убегал с уроков домой. Позднее Тории вспоминал, что его очень впечатлила фраза из школьного учебника: «В мире существует пять рас». Вероятно, это стало отправной точкой его дальнейшей карьеры [6, p. 3].

Тории Рюдзо заинтересовался антропологией и археологией еще в школьные годы. Он решил заняться самообразованием, не посещая школу. В эти годы будущий ученый изучает историю, литературу, английский и немецкий языки, математику, занимается с частными учителями и много читает. В 1886 г. он вступает в антропологическое общество в Токийском университете, основанное отцом японской археологии и антропологии – профессором Цубои Сёгоро. Тот замечает талантливую ученика и даже приезжает к нему в Токусима, чтобы пригласить на учебу в Токийский университет (курс антропологии он начал читать в университете в 1893 г.). Отец – состоятельный хозяин табачной лавки – эти занятия не одобрял. Однако наперекор его мнению Тории в 1890 г., чтобы получить образование и продолжить исследования в области антропологии, уезжает в Токио. Ему всего 20 лет, он поступает на работу в Токийский университет. Здесь, даже не имея университетского образования, но уже обладая достаточными знаниями и навыками исследователя, Тории начинает работать под руководством проф. Цубои Сёгоро. Его привлекает Китай, и к 1895 г. он обследовал Ляодунский полуостров, а годом позже – Тайвань. Хотя основным способом сбора данных в полевых условиях были зарисовки, Тории Рюдзо первым начал использовать фотографии в своих исследованиях. Затем он смог расширить свои полевые исследования на Юго-Западный Китай, Курильские острова, Северо-Восточный Китай и Внутреннюю Монголию [Там же, p. 5–8].

В 1905 г. он стал преподавателем в Токийском университете, а в 1921 г. получил степень доктора философии за диссертацию «О доисторической эпохе в Маньчжурии и Монголии». Тории Рюдзо по праву считается одним из первых исследователей коренных народов Сахалина – нивхов, ороков и эвенков. Он побывал на Южном Сахалине в 1912 г., а Северный Сахалин смог посетить в 1921 г. Экспедиция проводилась в традиционных местах обитания народов в то время, когда их многовековой традиционный уклад жизни еще отчасти сохранялся. Это делает наблюдения Тории Рюдзо особенно ценными.

В отечественной историографии его имя упоминается в статье Е. Э. Войтишек и М. В. Семеновой «Изучение археологии Китая японскими учеными (материалы к курсу “Зарубежная археология”»)» – Тории Рюдзо в 1895 г. совершил поездку на Ляодунский полуостров для проведения этнографических исследований, где им были открыты дольмены у г. Симучэн [1, с. 6]. В 2020 г. в «Вестнике Сахалинского музея» был опубликован перевод статьи Сугиура Сигэнобу «Об экспедиции Тории Рюдзо на Южный Карафуто», изданной ранее в 1950 г. [4]. Речь идет об экспедиции Тории на Южный

Сахалин летом 1912 г. Эта часть острова, как известно, была под японским контролем после Портсмутского договора 1905 г.

Летом 1919 г. Тории Рюдзо отправляется в Россию. Результаты этой поездки ученого были опубликованы в 1924 г. в работе «Северо-Восточная Азия с точки зрения антропологии и этнологии». Сам Тории Рюдзо отмечал, что у него «есть сильное желание и интерес к антропологическим исследованиям в Сибири, и сравнение ее с Японией только усилило это чувство» [7, с. 31]. Он пишет: «Исследования, которые я проводил в Маньчжурии, Монголии и Корее, все больше вели меня в Сибирь. Другими словами, я все сильнее осознавал, что, если мы не актуализируем свои представления о Восточной Сибири, будет невозможно составить достаточную сравнительную перспективу и наметить ориентиры для дальнейших исследований» [Там же].

В качестве причины своей поездки в Сибирь Тории Рюдзо указывает желание исследовать эту территорию с точки зрения антропологии, археологии и древней истории. Исследователь отмечает, что «до сих пор Восточная Сибирь оставалась [для японских ученых] неизвестной территорией, кладзем неизведанных сокровищ», и поэтому он «чувствовал огромную важность своей миссии и одновременно получал еще больше удовольствия от работы» [Там же]. Перед поездкой Тории Рюдзо составил план исследования, разделив его на пять частей с подробным пояснением причин выделения каждой.

Первой и наиболее важной задачей поездки Тории Рюдзо стало исследование на практике по возможности максимально широкого диапазона территорий Сибири и Дальнего Востока. Сам Тории Рюдзо отмечал, что именно эта часть оказалась одной из самых сложных для выполнения в Восточной Сибири. Основные сложности были связаны с тем, что российские власти с подозрением относились к деятельности иностранных исследователей на сибирских и дальневосточных территориях вплоть до того, что им не разрешалось делать зарисовки и фотографии. Впрочем, в рамках данной части исследований Тории Рюдзо считал наиболее приоритетным знакомство с коренными жителями Сибири к востоку от оз. Байкал, а именно тунгусскими и монгольскими племенами, изучение их повседневной жизни и обычаев. Кроме того, необходимо было исследовать останки и артефакты доисторического, протоисторического и исторического периодов, которые залегают в земле. Среди планов было посещение археологических памятников, проведение раскопок, сбор артефактов. Оценка потенциала Сибири с точки зрения археологического наследия, по мнению Тории Рюдзо, могла оказать важное влияние не только на Японию, но и в целом на изучение Дальнего Востока.

Второй частью исследования было тщательное изучение коллекций музеев, расположенных в Сибири и на Дальнем Востоке. По словам Тории Рюдзо, «хотя Россия может казаться страной искусства и литературы, она также может похвастаться мощным научным наследием» [Там же, с. 32]. Особого внимания в его заметках заслужили музеи Русского географического общества, созданные как результат активной деятельности геологической и географической разведки в Иркутском, Забайкальском, Амурском, Приморском, Сахалинском и других регионах. Отмечается, что Нерчинский му-

зей является еще и исторической достопримечательностью, поскольку он расположен в доме, где встречались посланники династии Цин при подписании знаменитого Нерчинского договора. В Приморье больше всего японца заинтересовал Хабаровский музей – самый большой и величественный, служащий штаб-квартирой академических обществ. Музеи, таким образом, расположены в ключевых местах каждого региона, а экспонаты и коллекции требуют пристального внимания для понимания прошлого и настоящего Сибири.

Третьим приоритетом шла организация встреч с учеными, проживающими на исследуемых территориях, с целью получить конструктивную критику и отзывы на комплекс накопленных к тому моменту знаний Тории Рюдзо о Сибири и Дальнем Востоке. Серьезной проблемой, стоявшей перед японским академическим сообществом в первой четверти XX в., было то, что о Сибири они могли узнавать только из документов европейского происхождения, а вот работы российских исследователей были недоступны для мировой науки. В этой части работы Тории Рюдзо заметна достаточно острая критика западной науки, представители которой не считали необходимым знакомиться с работами на русском языке, хотя, по мнению японского ученого, нет ничего более естественного, чем писать о Сибири на русском языке. На этапе планирования исследований Тории Рюдзо столкнулся с тем, что ему даже не были известны имена российских ученых, которые занимались исследованиями Сибири [7, с. 32–33]. Именно в связи с этим важно было наладить контакты, обменяться мнениями, перенять методологию для сравнительных исследований.

В качестве четвертого пункта своей программы японский ученый отмечал посещение и изучение материалов библиотек в разных регионах – сбор как можно большего количества материалов. Интересовали Тории Рюдзо не только книги, названия которых были известны в Японии, а сами книги было непросто найти, но и ранее неизвестные заграничному читателю антропологические, археологические и исторические исследования Сибири.

Пятым, завершающим пунктом плана Тории Рюдзо было приобретение научной литературы, относящейся к специализации ученого (археологии, антропологии, этнологии, древней истории). После Гражданской войны Сибирь выглядела нестабильным регионом, и многие работы, доступные к приобретению в сибирских городах, могли быть утрачены [Там же, с. 31–34].

Описание самой поездки Тории Рюдзо начинается с поездки из Токио во Владивосток. Однако в связи с тем, что в данной статье предполагается рассмотрение впечатлений Тории Рюдзо о Сибири, часть поездки по Дальнему Востоку авторы опускают. Завершив расследование во Владивостоке, Тории Рюдзо планировал исследовать территорию от бассейна р. Уссури до района вокруг оз. Синкай-Ху, а затем направиться в сторону Хабаровска. Однако тут в планы ученого вмешались именно те обстоятельства, которых он опасался: и без того беспокойная обстановка обострилась, когда экстремисты стали разрушать мосты и взрывать железнодорожные пути, что сделало предполагаемый район слишком опасным для исследования. Пока Тории Рюдзо размышлял, что делать, генерал-майор Такаянаги и его группа решили

отправиться в командировку на встречу с правительством Омска, поэтому ученый присоединился к ним и решил начать исследование Сибири с западной стороны [7, с. 51].

На территорию Сибири исследователь попал через Маньчжоули – это граница между Монголией и Забайкальским регионом, и здесь находится таможня, проверяющая всех въезжающих и выезжающих. На поезде Тории Рюдзо проехал через Забайкальск, станции Даурия и Оловянная. Во время небольшой остановки в Чите ученый занимался покупкой книг и проведением полевых исследований. Очень многое в его заметках выглядит любопытным для читателя, ведь все особенности посещенных российских населенных пунктов он сравнивает с тем, что ему известно о географии Японии. Например, котловина, в которой расположена Чита, напоминает ему Киото. Тории Рюдзо пишет: «Если представить Читу как Киото, то окружающие горы будут Хигаси-яма, Ниси-яма и т. д., а река Ингода – как река Камо. Чита разделена рекой на две части, подобно г. Хаката (Фукуока)» [Там же, с. 55].

Следующим городом на пути исследователя стал Верхнеудинск, про который он пишет: «Трудно представить, насколько процветающим будет Верхнеудинск в будущем. Россияне уже обратили на это внимание и построили здесь новый город, который хорошо развит и является крупным транспортным узлом на Транссибирской магистрали» [Там же, с. 54–55]. Особенно красочными предстают читателю ощущения Тории Рюдзо от первого взгляда на оз. Байкал: «Вдали начало виднеться оз. Байкал, и по мере продвижения поезда мы постепенно выехали на его берег. <...> Вид на это озеро, открывавшийся нам по пути, был весьма приятным. Земля была покрыта пышными хвойными лесами, а само озеро было огромным, с чистой, спокойной водой, словно огромное зеркальное стекло. Вдали висела тонкая дымка, едва различимая, словно огромная, бесконечная дымчатая волна. Зеркальная поверхность озера отражала красоту окружающих гор, все еще покрытых снегом. В самый последний момент свет заходящего солнца окрасил оставшийся снег в багряный цвет, сверкая на поверхности озера и создавая захватывающий вид. Среди этого пейзажа мимо проплывали разбросанные деревни и похожие на листья тени от лодок» [Там же, с. 55].

Иркутск был одним из первых городов Сибири, основанных Россией, и из всех российских городов, которые посетил Тории Рюдзо, именно Иркутск показался ему спокойным городом с русской атмосферой. Как отмечает исследователь, «город полностью построен из кирпича; здесь есть театр, кинотеатр и парк. Парк выходит на берег р. Ангары и отличается самыми красивыми пейзажами. Если вы хотите почувствовать Россию, то Иркутск – это то место, куда стоит отправиться» [Там же, с. 55–56]. Иркутску в статье Тории Рюдзо уделено особое внимание среди всех посещенных им сибирских территорий. Помимо музеев города исследователь посетил здесь два больших книжных магазина, где ему удалось найти знаменитую книгу «Азиатская Россия».

Тории Рюдзо пишет, что в Иркутске помимо музея с весьма примечательной антропологической коллекцией есть университет (речь, разумеется, об открытом годом ранее Иркутском государственном университете).

В местном институте, по словам Тории Рюдзо, в тот момент работали пожилой археолог и его сын-фольклорист [7, с. 57]. Сложно сказать, о ком шла речь – встретиться с археологом исследователю не довелось, так как тот был на даче. Фамилий Тории Рюдзо не указывает. Так как источник информации об этих людях японец не упоминает, можно предположить, что речь идет о М. П. Овчинникове (1844–1921) и Б. Э. Петри (1884–1937). М. П. Овчинников, как напишет о нем Б. Э. Петри, внес существенный вклад в развитие иркутской археологии, будучи дедушкой сибирской археологии, а «молодой Иркутский университет поведет изыскания дальше с того места, где остановился М. П. Овчинников» [5, с. 104]. Разумеется, родственных связей между Б. Э. Петри и М. П. Овчинниковым не было, но их совместная деятельность по изучению древностей могла восприниматься как работа учителя и ученика, и, соответственно, в научном плане М. П. Овчинников действительно мог быть «отцом» Б. Э. Петри. Тории Рюдзо пишет, что «большая часть археологических материалов, представленных сегодня в Иркутском музее, была собрана им [М. П. Овчинниковым]» [7, с. 57].

Очень подробно описан Тории Рюдзо Иркутский музей (судя по характеристике здания и коллекций, речь идет об Иркутском областном краеведческом музее). Особый интерес для японца представляли экспонаты, касающиеся обычаев и традиций коренных народов Сибири. Жители Прибайкалья предстали перед японцем в виде фигур, одетых в традиционную одежду, на них были головные уборы и украшения. Также выставлены предметы их повседневного обихода и модели домов. В музее представлены одеяния бурятских лам, а также тунгусов и якутов, наряду с различными украшениями и барабанами. По впечатлениям Тории Рюдзо, «посещение фольклорного зала дает четкое представление об этнических группах, живущих вокруг Байкала, их обычаях и традициях» [Там же, с. 57–58]. Доступные к приобретению публикации по истории иркутских монастырей, исследованиях якутов и тунгусов и другим вопросам порадовали Тории Рюдзо своим разнообразием и количеством.

Отдельного упоминания заслуживает и археологическая коллекция музея: Тории Рюдзо пишет, что ранние экспонаты здесь разделены на три категории: каменные орудия, костяные орудия и керамика. Наиболее заинтересовавший его тип орудий – это каменные топоры самых разнообразных форм, изготовленные в основном из зеленого нефрита. Их формы, по его словам, «отражают особенности, наблюдаемые в районах от Кавказа до побережья Черного моря в Восточной Европе» [Там же]. К предметам бронзового века относятся копья, мечи и топоры. Последние, по оценкам Тории Рюдзо, «имеют разнообразные формы и весьма похожи на формы европейских топоров бронзового века. Из этого следует, что существовала прямая или косвенная связь либо коммуникация между этим регионом и Кавказом, Южной Россией или, возможно, Европой в то время» [Там же, с. 59–60]. Коллекции Иркутского музея, таким образом, были тщательно обследованы и по возможности задокументированы японским исследователем. Стоит сказать, что

в масштабах сибирских исследований описание иркутских изысканий занимает в статье Торией Рюдзо центральное место.

Архив Торией Рюдзо ныне хранится в префектуральном музее в г. Токусима на о-ве Сикоку. Большой интерес представляют его записи, а также фотоматериалы, касающиеся пребывания в Сибири и на Дальнем Востоке, которые до настоящего времени еще основательно не изучались. Таким образом, есть дальнейшие перспективы исследований в данной области, которые позволят пролить свет на особенности восприятия иностранцами Сибири сразу в нескольких направлениях: археологическом, антропологическом, этнографическом и историческом.

Список литературы

1. *Войтишек Е. Э., Семенова М. В.* Изучение археологии Китая японскими учеными (материалы к курсу «Зарубежная археология») // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9, № 7. С. 5–14.
2. *Кузнецов С. И., Като Хирофуми.* Россия, Сибирь в известиях японских путешественников, исследователей и дипломатов // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2017. Т. 22. С. 101–112.
3. Тэраваки Фумито. Вклад Ясуги Садатоси в российско-японские отношения. «Байкальский дневник» Ясуги Садатоси и размышления о периоде отправки войск на территорию Сибири // Сибирь и Япония в Северо-Восточной Азии : материалы рос.-яп. семинара. Иркутск : Оттиск, 2003. С. 29–32.
4. *Сугиура Сигэнобу.* Торией Рюдзо и его сахалинская экспедиция 1912 г. // Вестник Сахалинского музея. 2020. № 2 (31). С. 125–140.
5. *Петри Б. Э. М. П.* Овчинников как археолог // Сибирские огни. 1922. № 4. С. 99–104.
6. Let's Learn Together about Torii Ryuzo! Tokushima : Tokushima Prefectural Torii Ryuzo Memorial Museum, 2015. 18 p.
7. Торией Рюдзо. Дзинруйгаку оёби дзинсё гакусё ёримитару Хокуто Адзиа, Сибэриа, Хокуман, Карафутто = Северо-Восточная Азия с точки зрения антропологии и этнологии. Токио : Ока сёин, 1924. 501 с. (на яп. яз.)
8. *Ясуги Садатоси.* Россия дзи = Русские дороги. Токио : Тосё синбунся, 1967. 348 с. (на яп. яз.)

References

1. *Voitishek E. E., Semenova M. V.* Izuchenie arkheologii Kitaya yaponskimi uchenymi (materialy k kursu “Zarubezhnaya arkheologiya”) [Studies on Chinese archaeology in Japan (materials to a cycle of lectures “Foreign Archaeology”)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series History and Philology], 2010, vol. 9, no. 7, pp. 5-14. (in Russian)
2. *Kuznetsov S.I., Kato Khirofumi.* Rossiya, Sibir v izvestiyakh yaponskikh puteshestvennikov, issledovatelei i diplomatov [Russia and Siberia in the coverage of Japanese Travelers, Researchers and Diplomats]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series History], 2017, vol. 22, pp. 101-112. (in Russian)
3. *Teravaki Fumito.* Vklad Yasugi Sadatosi v rossiisko-yaponskie otnosheniya. “Baikalskii dnevnik” Yasugi Sadatosi i razmyshleniya o periode otpravki voisk na territoriyu Sibiri [Yasugi Sadatoshi's Contribution to Russian-Japanese Relations. Yasugi Sadatoshi's «Baikal Diary» and Reflections on the Period of Sending Troops to Siberia]. *Sibir i Yaponiya v Severo-Vostochnoi Azii* [Siberia and Japan in Northeast Asia]. Proceedings of the Russian-Japanese Seminar. Irkutsk, Ottisk Publ., 2003, pp. 29-32. (in Russian)
4. *Sugiura Sigenobu.* Torii Ryuzo i ego sakhalinskaya ekspeditsiya 1912 g. [Torii Ryuzo and his Sakhalin expedition of 1912]. *Vestnik Sakhalinskogo muzeya* [Bulletin of the Sakhalin Museum], 2020, no. 2 (31), pp. 125-140. (in Russian)

5. Petri B.E. M.P. Ovchinnikov kak arkholog [M.P. Ovchinnikov as an archaeologist]. *Sibirskie ogni* [Siberian Lights], 1922, no. 4, pp. 99-104. (in Russian)

6. *Let's Learn Together about Torii Ryuzo!* Tokushima, Tokushima Prefectural Torii Ryuzo Memorial Museum, 2015, 18 p.

7. Torii Ryuzo. *Dzinruigaku oebi dzinse gakuse erimitaru Khokuto Adzia, Siberia, Khokuman, Karafuto* [Northeast Asia from the point of view of anthropology and ethnology]. Tokyo, Oka sein Publ., 1924, 501 p. (in Japanese)

8. Yasugi Sadatosi. *Rossiya dzi* [Russian roads]. Tokyo, Tose sinbunsha Publ., 1967, 348 p. (in Japanese)

Сведения об авторах

Кузнецов Сергей Ильич

доктор исторических наук, профессор,
заведующий, кафедра мировой истории и
международных отношений
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: s.kuznetsov@mail.ru

Мищенко Мария Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра мировой истории и
международных отношений
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: markuz97@mail.ru

Information about the authors

Kuznetsov Sergey Ilyich

Doctor of Sciences (History), Professor,
Head, Department of World History and
International Relations
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: s.kuznetsov@mail.ru

Mishchenkova Mariya Sergeevna

Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Department of World
History and International Relations
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: markuz97@mail.ru

Статья поступила в редакцию **01.03.2026**; одобрена после рецензирования **10.04.2026**; принята к публикации **15.04.2026**
The article was submitted **March, 01, 2026**; approved after reviewing **April, 10, 2026**; accepted for publication **April, 15, 2026**